

ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ КОЧУЮЩИХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

Ситникова Наталья Васильевна

руководитель центра кочевого образования, ФГБНУ «НИИ национальных школ Республики Саха (Якутия)», г. Якутск
nsitni@rambler.ru

Николаева Алла Дмитриевна

Д.п.н., профессор, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Якутск

FOREIGN PRACTICE OF EDUCATING CHILDREN OF NOMADIC PEOPLES

**N. Sitnikova
A. Nikolaeva**

Summary: The Russian Federation has developed a system of education of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation with nomadic or semi-nomadic way of life of reindeer herders, horse breeders, fishermen and gatherers. It is a great challenge in the face of globalization and civilizations conflicts. The foreign practice of education of nomads is of great interest for comparative studies of the genesis and designing the prospects for the development of education of children leading a nomadic lifestyle with parents. Our study is based on reports and discussions from Africa, South Asia and Australia cases. Based on the results of the study, organizational models of education were designed and modern development trends were identified.

Keywords: education of indigenous peoples, nomadic way of life, nomadic education.

Аннотация: В Российской Федерации сложилась система образования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, ведущих традиционный кочевой и (или) полукочевой образ жизни оленеводов, скотоводов, рыбаков и собирателей. Это серьезный вызов в условиях глобализации и конфликта цивилизаций. Зарубежная практика образования кочевников представляет огромный интерес для сопоставительного исследования генезиса и проектирования перспективы развития образования детей, ведущих с родителями кочевой образ жизни в условиях глобализации. Наше исследование основано на научных сообщениях и дискуссиях вокруг опыта стран Африки, Южной Азии и Австралии. В результате исследования разработаны организационные модели образования и выявлены современные тенденции развития.

Ключевые слова: образование коренных народов, кочевой образ жизни, кочевое образование.

Введение

Одним из главных вызовов современности является проблема выработки такой модели образования коренных народов в условиях глобализации, которая бы сохранила цивилизационное многообразие мира наряду с обеспечением права детей на образование и включение в окружающий современный мир. Можно считать парадоксом, что в системах образования на основе стационарных школ и стандартизации содержания образования, сохраняются отдельные примеры кочевого образования, то есть образования, основанного на индивидуальных учебных планах и неформальном образовании в ходе движения с кочевыми семьями в поисках пастбищ для животных.

Материалы и методы

В ходе работы проведен анализ зарубежного опыта кочевого образования, выявлены общие проблемы и стратегии их решения, разработаны модели организации образования детей, ведущих с родителями кочевой образ жизни. Для апробации разработанных моделей, автором применены методы научного и практического исследования: обзор научной литературы по проблеме исследования, обсуждение на дискуссионных площад-

ках и реализация моделей на практике.

Обзор зарубежной практики. В условиях потенциально существующей угрозы «стирания цивилизационных границ, наиболее актуальным из научно-методологических подходов в комплексном изучении человеческих систем представляется цивилизационный» [14, с.670], в большей степени позволяющий отразить социокультурную уникальность каждой системы. Кочевые цивилизации перестают быть архаичным этапом развития мироздания, выдвигаются на первый план и представляют интерес в научной сфере. Гипотеза А.Дж. Тойнби, высказанная им в первой половине XX в., о том, что «западная цивилизация, распространившая свои шупальца по всей поверхности земного шара, завершает истребление кочевников» не подтвердилась. Жамбалова С.Г., исследуя проблематику кочевого образа жизни в современном мире, подтверждает на примере монголоязычных народов, кочевников-скотоводов Центральной Азии, что «кочевой образ жизни довольно масштабно существует в современном мире» [9, с.142-149]. Это же отмечают на основе достоверных фактов современные исследователи кочевых цивилизаций Грайворонский В.В., Жуковская Н.Л. [6, с. 249-260; 9, с.247] и другие.

В ответ на вышеуказанные вызовы государства и ко-

ческие народы предпринимают меры для сохранения кочевого или полукочевого образа жизни, связанного с пасторализмом – культурой скотоводчества как вида экономической деятельности и социокультурной реальности, в рамках которых решаются проблемы доступности общего образования детей, ведущих с родителями традиционный образ жизни.

Кочевой или полукочевой образ жизни широко распространен в странах Африки, Востока и Азии, имеет свои характеристики и связан с уникальной кочевой культурой, главной особенностью которой является движение (перемещение) скотоводов за скотом, который, в свою очередь, движется в поисках лучших пастбищ. Миллионы кочевых скотоводов вовлечены в хозяйственный процесс и традиционные промыслы, являющиеся основой кочевого уклада жизни. Исследователи отмечают также кочевые и полукочевые народы, занятые рыбной ловлей, охотой и собирательством.

Саверио Краетли, исследователь кочевых народов, член Международного союза антропологических и этнологических наук (IUAES) (2001), подчеркивает, что миллионы детей кочевников остаются вне системы образования [10, с. 67-72]. С одной стороны образование для кочевников должно соответствовать общепринятому пониманию базового образования как фундаментальной потребности. С другой стороны, в качестве необходимого условия существования скотоводы каждый день демонстрируют высокие уровни индивидуальных и социальных навыков. Вместе с тем «образовательные программы, по-видимому, противостоят кочевой культуре на всех уровнях» (Краетли, там же).

Анита Шарма (2011) [4, с. 1-51], исследователь кочевых народов стран Южной Азии, подтверждает, что в Индии, Непале остро стоит проблема доступности образования для кочующих народов. В этих странах разработали альтернативные подходы к образованию и формам обучения и специальные структуры для ресурсной поддержки образования детей кочевников. Вместе с тем Шарма отмечает, что часто кочевники «остаются невидимыми для государств» (4, с. 37), они не выделяются в статистике.

Кочевники-скотоводы, перемещаясь в поисках пищи для своего скота, также нуждаются в доступе к информации о своем здоровье и здоровье своих животных. ДанАмади (2015) отмечает, что «ключевой целью кочевого образования должно быть предоставление кочевникам чувства принадлежности к нации и защиты со стороны конституций своих стран» [3, с.16-21]. Тони Бут (1999) видит «кочевое образование через призму инклюзивного образования» [5, с.164-168], что способствует вовлечению целевых обучающихся в образовательные программы.

Нгъасике, Джон Терия, исследователь кочевых культур скотоводов Кении из Найроби, отмечает, что дошкольное и начальное «образование кочевых народов основано на западных концепциях без учета этнокультурных особенностей и традиционных знаний, местных культурных концепций, ценностей развития, практики воспитания детей и практических повседневных реалий обучения детей посредством участия в жизни общины и ученичества в контексте семейных обычаев, опыта общины и деятельности по экономическому выживанию» [11, 19-46].

Анализ проблем, которые встречаются государства в своем стремлении включить кочевые народы, как представителей кочевой цивилизации, в общегосударственные процессы, показывает:

- разные подходы к целеполаганию, несогласованность целевых установок для кочевого образования;
- несоответствие требований формального общего образования потребностям кочевников, в частности, традиционные знания и родные языки не включаются в образовательные программы;
- отсутствие программ профессионального образования для жизни вне кочевья и возможностей для получения среднего или высшего профессионального образования;
- слабую инклюзию кочевников в общество и общегосударственные процессы;
- проблемы, связанные с повышением кадрового потенциала для кочевого образования.

В Нигерии, Кении и других государствах Африки, Иране, Сирии, Индии, Киргизии, Монголии, Австралии, Мадагаскаре и других, где есть кочевые народы, системы образования развиваются в двух направлениях. Также как в России кочевые народы в той или иной мере сохраняют свой уклад и учителя передвигаются вместе с детьми или школы создаются в местах их традиционного проживания, в отдельных странах сильно выражено стремление собрать детей в интернатах для «перекраивания» детей под нужды государства и современного общества.

Анализ зарубежного опыта кочевого образования свидетельствует о широком понимании формальных и содержательных проблем, возникающих при определении понятий «кочевники», «кочевое образование», «мобильная или кочевая школа». Нами отмечаются сходные проблемы в организации обучения детей и подготовке кадров, связанные с мобильностью, потребностью в этнической самореализации кочевых народов, а также с необходимостью участия членов семей в общем труде.

Для преодоления трудностей применяются сходные стратегии. В сфере управления образованием Индии,

Кении, Нигерии созданы специальные структуры (национальные комиссии, комитеты, ресурсные центры) для регулирования деятельности в сфере образования кочующих народов. Эксперты отмечают целесообразность парциптивного участия кочевых общин в управлении образованием создания нормативной базы для обеспечения временного зачисления детей кочевников в стационарные образовательные организации и их инклюзии в общие программы, обеспечивается бесплатное питание обучающихся и выделяются стипендии для малоимущих студентов.

В содержании образования отмечается стремление «помочь приобрести такие навыки, знания и компетенции, чтобы повысить доходы за счет повышения эффективности управления выпасом скота, здоровья животных, использования результатов научных исследований» [12, с.116-117]; «повышение грамотности членов общины, семейной грамотности» [11, с.19-46]; разработка учебных материалов с участием общин в области математики, социальных наук, английского как международного языка, по основам науки и техники [1, с.424]. Исследователи приходят к выводу, что содержание образовательных программ для детей кочевников должно включать практические знания, навыки и компетенции, необходимые для жизни в кочевье и профессиональной ориентации.

В сфере использования информационно-коммуникационных технологий проведены исследования (ЮНЕСКО, 2008) доступности радио и телевидения и приняты специальные меры для их эффективного применения для образования; в Нигерии были организованы специальные студии при центрах кочевого образования для подготовки образовательных программ по радио и телевидению [15].

В сфере материально-технического обеспечения кочевого образования отмечается обеспечение кочевников разборными помещениями, аудиовизуальными учебными пособиями [1, с.21].

Эксперты отмечают значение финансовых обязательств со стороны государства. Производство специфического оборудования, закупка и предоставление необходимых комплектов для кочевого образования должны рассматриваться как неотъемлемая часть программы, и их следует сделать массовыми и привлекательными для обеспечения непрерывности образования детей мобильных кочевников [2, с.407-428].

Анализ зарубежного опыта показывает, что государственные практики, которые игнорируют или пытаются регулировать пространственную популяционную мобильность мобильных культур, имеют сомнительную эффективность и могут еще больше укрепить маргиналь-

ный статус мобильных культур. «Мобильные культуры бросают вызов оседлым политическим параметрам, которые связаны с постоянством территории, домовладения и состава семьи» [7].

Результаты

В результате исследования зарубежной практики образования детей коренных народов, ведущих с родителями кочевой или полукочевой образ жизни, определены модели обеспечения доступности образования:

Модель 1. «Кочевые учителя, реализующие образовательные программы в условиях кочевья». В отдельных странах для устойчивого функционирования этой модели создаются национальные комиссии, государственные структуры управления, а также ресурсные центры с государственным финансированием. В основном, ресурсные центры обеспечивают содержательную часть учебно-методического обеспечения, проводят эксперименты в рамках научных исследований.

Следует особо отметить необходимость подготовки кочевых учителей из числа представителей кочевых общин, выходцев из общин, имеющих опыт кочевой жизни, общий язык и родственные связи.

Модель 2. «Кочевая школа при кочевой общине». Кочевая школа создается при содействии государственных органов власти с целью обеспечения доступности начального образования, а также социальной и государственной инклюзии. Кочевая школа имеет специальное оборудование в виде мобильных помещений (шатров, палаток, яранг, юрт и др.), которые легко собираются и разбираются, то есть, приспособлены к передвижению общины. В отдельных случаях легкие помещения для кочевых школ размещаются по маршруту следования кочевников, в этом случае школа располагается вблизи от основного маршрута и дети имеют возможность посещать школу на кратковременной основе.

В условиях включения детей в производственную деятельность, когда дети вынуждены помогать родителям для обеспечения благополучия семьи, осваивая родовые профессиональные навыки, действуют сезонные кочевые школы. Обучение организуется непосредственно в местах традиционной хозяйственной деятельности или во время перекочевки в населенные пункты (фактории, стойбища). Дополнительное образование в условиях кочевого образа жизни имеет неформальный характер, связано с потребностью приобщения детей к труду скотоводов, оленеводов, рыболовов в процессе совместной деятельности с взрослыми. В кочевых школах возможна реализация программ гражданского воспитания, здорового образа жизни, безопасности, основ экологических знаний и основ экономики.

Модель 3. «Кочевая школа с дистанционным обучением». В местностях, где есть возможность обеспечить доступность радио – и телевидения, а также интернета организуются специальные центры дистанционного образования и студии образовательных радио- и телепередач с подготовленным персоналом, которые обеспечивают также подготовку кочевников к системе дистанционного образования. В местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в Монголии и в Австралии отмечается позитивный эффект от привлечения членов общин к организации детей в специально-оборудованных помещениях для прослушивания и (или) интерактивного взаимодействия через информационные технологии по согласованным графикам обучения.

Результаты исследования и проектирования моделей организации образования детей из кочевых семей использованы при разработке методических рекомендаций для организаторов образования детей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности.

Обсуждение

В ходе обсуждения отмечены возможности государств и кочевых общин в парциптивной работе по образованию детей, обсуждены модели образования детей кочевых народов в странах Африки, Востока и Азии. Отмечено отсутствие официальной статистики по кочевым народам, недостаточное присутствие российского опыта кочевого образования в международном научном пространстве и значительный объем дискуссии в мире

по поводу аспектов содержания образования и языков обучения кочевых народов.

Заключение

По итогам исследования зарубежной практики образования детей коренных народов в странах Африки, Востока и Азии нами отмечены наличие сходных проблем и стратегий включения кочевых культур в современную цивилизационную парадигму. Инновационные экспериментальные проекты и исследования в международной научной среде связаны с глобальными целями тысячелетия и растущим интересом к кочевой культуре и мобильности, как интегральной характеристике образа жизни и личности. Коренные народы, ведущие кочевой и (или) полукочевой образ жизни, занимают особое место в социально-экономической жизни страны и могут внести ощутимый вклад в экономику своих семей и регионов, одновременно представляя особую кочевую цивилизацию.

В настоящее время в системе образования коренных малочисленных народов России происходят значительные изменения, связанные с разграничением полномочий в сфере управления образованием, модернизацией общего образования, углублением процессов демократизации и общественного участия в управлении образованием, национальными проектами, направленными на успех каждого ребенка, доступность и открытость образования. Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу, что предстоит переосмысление концептуальных подходов и ранее применяемых стратегий развития образования детей, ведущих с родителями кочевой образ жизни, на основе лучшего зарубежного опыта и отечественных научных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abdulrahman Y.M. (2016) Trends and Innovations in Education of Nigerian Nomadic Population – 2016 // doi: <http://dx.doi.org/10.14516/fde.2016.014.020.020>, 21 p.
2. Aderinoye, R.A., Ojokheta, K.O., Olojede, A.A.. Integrating mobile learning into nomadic education programmes in Nigeria: issues and perspectives. The International Review of Research in Open and Distributed Learning. – 2007. – 8 (2) // <http://www.irrodl.org/index.php/irrodl/article/view/347/919>
3. Amadi D.C. Nomadic education in Nigeria: using English to foster communal peace and enhance the education of herdsmen // Global Journal of Arts Humanities and Social Sciences – 2015 – 3 (5) – 16-21 p.
4. Anita Sharma. South Asian Nomads – A Literature Review // Create Pathways to Access : Research Monograph. – 2011. – № 58. Jan. – 51 p.
5. Booth T. Viewing inclusion from a distance: Gaining perspective from comparative study // Support for learning. – 1999. – 14 (4). – 164-168 p.
6. Гармаева И.Б. Монгольская цивилизация на пороге XXI века // Диаспоры в современном мире : материалы международного круглого стола. Улан-Удэ (15 октября 2007 г.); Хулун-Буир (13 декабря 2007 г.). – Улан-Удэ : Изд-во Бурят.гос. ун-та, 2007.
7. Грайворонский В.В. Сравнительный анализ изменений в уровне жизни животноводов Монголии и Автономного района // Внутренняя Монголия /КНР/ в 1978–2000 гг. – Mongolica, 2005. – Vol. 16 (37). – С. 249–260.
8. Quicke Sara Prout, Green Charmaine. Mobile (nomadic) cultures and the politics of mobility: Insights from Indigenous Australia. – 2018. – 23 April // <http://doi.org/10.1111/tran.12243>
9. Жамбалова С.Г. Кочевой образ жизни в современном мире: проблемы традиционализма и модернизации // Ученые записки. – ЗабГГПУ, 2012. – С.142-149.

10. Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика: учеб.пособие. – М.: Востлит., 2002. – 247 с.
11. Kraetli Saverio. Education provision to nomadic pastoralists // A literature review. – 2001. – 84 p.
12. Ng'asike, John Teria. Indigenous knowledge practices for sustainable lifelong education in pastoralist communities of Kenya // International Review of education. – 2019. – Feb. – Volume 65(1). – pages 19-46 // DOI: 10.1007/s11159-019-09767-4
13. Olaniran, Sunday Olawale. Almajiri education: Policy and practice to meet the learning needs of the nomadic population in Nigeria. – 2018. – Jan. – 111-126 p. // Doi.org/10.1007/s11159-018-9705-2
14. Promoting Educational Access for the Indigenous Reindeer Herders, Fishermen and Hunters in the Nomadic Schools of Yakutia, Russian Federation / RobbekV.A., Gabysheva F.V., Nikitina R.S., Sitnikova N.V // Traveller. Nomadic and Migrant Education/ Routledge Research in Education. – 2009. – 230 p.
15. Тойнби А.Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. – М.: АСТМОСКВА, 2009. – 670 с.
16. Use of radio an a nomadic education programme: Nigeria / UIL(UNESCO Institute for Lifelong Learning) (2008). // Effective literacy practices database. – Hamburg: UIL // <http://litbase.uil.unesco.org>. (Retrieved 18 Dec 2017)

© Ситникова Наталья Васильевна (nsitni@rambler.ru), Николаева Алла Дмитриевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Якутск